

КОЛЕСИКА.

городъ В* очень повеселѣлъ, когда началъ въ немъ стоять *** кавалерійскій полкъ; а до того времени было въ немъ страхъ скучно. Когда, бывало, проѣзжаешь его и взглянешь на низенькіе мазаные домики, которые смотрятъ на улицу до невѣроятности кисло, то.... невозможно выразить, что дѣлается тогда на сердцѣ: тоска такая, какъ будто бы или проигрался, или отпустилъ нехстати какую-нибудь глупость, — однимъ словомъ, не хорошо. Глина на домахъ обвалилась отъ дождя, и стѣны, вмѣсто бѣлыхъ, сдѣлались пѣгими; крыши большею частію крыты тростникомъ, какъ обыкновенно бываетъ въ южныхъ городахъ нашихъ. Садики, для лучшаго вида, городничій давно приказалъ вырубить. На улицахъ ни души не встрѣтишь, развѣ только пѣтухъ перейдетъ чрезъ мостовую, мягкую какъ подушка, отъ лежащей на четверть пыли, которая, при малѣйшемъ дождѣ, превращается въ грязь, и тогда улицы городка В* наполняются тѣми дородными животными, которыхъ тамошній городничій называетъ французами. Выставивъ

серьезныя морды изъ своихъ ваннъ, онѣ поднимаютъ такое хрюканье, что проѣзжающему остается только погонять лошадей поскорѣе. Впрочемъ, проѣзжающаго трудно встрѣтить въ городкѣ Б*. Рѣдко, очень рѣдко какой-нибудь помѣщикъ, имѣющій одиннадцать душъ крестьянъ, въ нанковомъ сюртукѣ, тарабанить по мостовой въ какой-то полубричкѣ и полутелѣжкѣ, выглядывая изъ-за наваленныхъ мучныхъ мѣшковъ и пристегивая гнѣдую кобылу, вѣлѣдъ за которою бѣжитъ жеребенокъ. Самая рыночная площадь имѣетъ нѣсколько печальный видъ: домъ портного выходитъ чрезвычайно глупо не всѣмъ фасадомъ, но угломъ; противъ него строится лѣтъ пятнадцать какое-то каменное строеніе о двухъ окнахъ; далѣе стоитъ самъ-по-себѣ модный досчатый дворъ, выкрашенный сѣрою краскою подъ цвѣтъ грязи, который, на образецъ другимъ строеніямъ, воздвигъ городничій во время своей молодости, когда не имѣлъ еще обыкновенія спать тотчасъ послѣ обѣда и пить на ночь какой-то декоктъ, заправленный сухимъ крыжовникомъ. Въ другихъ мѣстахъ все почти плетень. Посреди площади самыя маленькія лавочки; въ нихъ всегда можно замѣтить связку баранковъ, бабу въ красномъ платкѣ, пудъ мыла, нѣсколько фунтовъ горькаго миндаля, дробь для стрѣлянія, демикотонъ и двухъ купеческихъ прикащиковъ, во всякое время играющихъ у дверей въ свайку. Но какъ началъ стоять въ уѣздномъ городкѣ Б* кавалерійскій полкъ, все перемѣнилось: улицы запестрѣли, оживились, — словомъ, приняли совершенно другой видъ; низенькіе домики часто видѣли проходящаго мимо, ловкаго, статнаго офицера съ султаномъ на головѣ, шедшаго къ товарищу поговорить о производствѣ, объ отличнѣйшемъ табакѣ, а иногда поставить на карточку дрожки, которыя можно было назвать полковыми, потому что онѣ, не выходя изъ полку, успѣвали обходить всѣхъ: сегодня катался на нихъ маіоръ, завтра онѣ появлялись въ поручиковой конюшнѣ, а чрезъ недѣлю, смотришь, опять маіорскій деньщикъ подмазываетъ ихъ саломъ. Деревянный плетень между домами весь былъ усеянъ висѣвшими на солнцѣ солдатскими фуражками: сѣрая шинель торчала непременно гдѣ-нибудь на воротахъ; въ переулкахъ попадались солдаты съ такими жесткими усами, какъ сапожныя щетки. Усы эти были видны во всѣхъ мѣстахъ: соберутся ли на рынокъ съ ковшиками мѣщанки — изъ-за плечъ ихъ, вѣрно, выглядываютъ усы. Офицеры оживили общество, которое до того времени состояло только изъ судьи, жившаго въ одномъ домѣ съ какою-то діаконицею, и городничаго, разсудительнаго человѣка, но спавшаго рѣшительно весь день — отъ обѣда до вечера и отъ вечера до обѣда. Общество сдѣлалось еще многолюднѣе и занимательнѣе, когда переведена была сюда квартира бригаднаго генерала. Окружныя помѣщики, о существованіи которыхъ никто бы до того времени не догадался, начали пріѣзжать почаще въ уѣздный городокъ, чтобы видѣться съ господами офицерами, а иногда поиграть въ банчикъ, который уже чрезвычайно темно грезился въ головѣ ихъ, захлопотанной посѣвами, жениными порученіями и зайцами. Очень жалъ, что не могу припомнить, по какому обстоятельству, случилось бригадному генералу давать большой обѣдъ; заготовленіе къ нему было

сдѣлано огромное: стукъ поварскихъ ножей на генеральской кухнѣ былъ слышенъ еще близъ городской заставы. Весь совершенно рынокъ былъ забранъ для обѣда, такъ что судья, съ своею діаконицею, долженъ былъ ѣсть однѣ только лепешки изъ гречневой муки, да крахмальный кисель. Небольшой дворикъ генеральской квартиры былъ весь уставленъ дрожками и колясками. Общество состояло изъ мужчинъ — офицеровъ и нѣкоторыхъ окружныхъ помѣщиковъ. Изъ помѣщиковъ болѣе всѣхъ былъ замѣчательнъ Пиеагоръ Пиеагоровичъ Чертокуцкій, одинъ изъ главныхъ аристократовъ Б—го уѣзда, болѣе всѣхъ шумѣвшій на выборахъ и пріѣзжавшій туда въ щегольскомъ экипажѣ. Онъ служилъ прежде въ одномъ изъ кавалерійскихъ полковъ и былъ однимъ изъ числа значительныхъ и видныхъ офицеровъ; по крайней мѣрѣ его видали на многихъ балахъ и собраніяхъ, гдѣ только кочевалъ ихъ полкъ; впрочемъ, объ этомъ можно спросить у дѣвицъ Тамбовской и Симбирской губерній. Весьма можетъ быть, что онъ распустилъ бы и въ прочихъ губерніяхъ выгодную для себя славу, еслибы не вышелъ въ отставку по одному случаю, который обыкновенно называется *непріятною исторіею*. Онъ ли далъ кому-то въ старые годы оплеуху, или ему дали ее, объ этомъ навѣрное не помню, дѣло только въ томъ, что его попросили выйти въ отставку. Впрочемъ онъ этимъ ни чуть не уронилъ своего вѣсу; носилъ фракъ съ высокою таліей, на манеръ военного мундира, на сопогахъ шпоры и подъ носомъ усы, потому что безъ того дворяне могли бы подумать, что онъ служилъ въ пѣхотѣ, которую онъ презрительно называлъ иногда пѣхтурой, а иногда пѣхонтаріей. Онъ бывалъ на всѣхъ многолюдныхъ ярмаркахъ, куда внутренность Россіи, состоящая изъ мамокъ, дѣтей, дочекъ и толстыхъ помѣщиковъ, наѣзжала веселиться, бричками, таратайками, тарантасами и такими каретами, какія и во снѣ никому не снились. Онъ проносивалъ носомъ, гдѣ стоялъ кавалерійскій полкъ, и всегда пріѣзжалъ видѣться съ господами офицерами, очень ловко высекаивалъ передъ ними изъ своей легонькой колясочки, или дрожекъ, и чрезвычайно скоро знакомился. Въ прошлые выборы далъ онъ дворянству прекрасный обѣдъ, на которомъ объявилъ, что если его выберутъ предводителемъ, то онъ поставитъ дворянъ на самую лучшую ногу. Вообще велъ себя по барски, какъ выражаются въ уѣздахъ и губерніяхъ; женился на довольно хорошенькой, взялъ за нею двѣсти душъ приданаго и нѣсколько тысячъ капитала. Капиталъ былъ тотчасъ употребленъ на шестерку дѣйствительно отличныхъ лошадей, вызолоченные замки къ дверямъ, ручную обезьянку для дома и Француза-дворецкаго. Двѣсти же душъ, вмѣстѣ съ двумя стами собственныхъ, были заложены въ ломбардъ, для какихъ-то коммерческихъ оборотовъ. Словомъ, онъ былъ помѣщикъ, какъ слѣдуетъ, — изрядный помѣщикъ. Кромѣ его, на обѣдѣ у генерала было нѣсколько и другихъ помѣщиковъ, но объ нихъ нечего говорить. Остальные были всѣ военные того же полка и два штаб-офицера: полковникъ и довольно толстый майоръ. Самъ генералъ былъ дюжъ и тученъ, впрочемъ хорошій начальникъ, какъ отзывались о немъ офицеры. Говорилъ онъ довольно густымъ, значительнымъ басомъ. Обѣдъ былъ чрезвычайный. Осетрина, бѣ-

луга, стерляди, дрофы, спаржа, перепелки, куропатки, грибы доказывали, что поварь еще со вчерашняго дня не бралъ въ ротъ горячаго, и четыре солдата, съ ножами въ рукахъ, работали, на помощь ему, всю ночь фрикасе и желе. Бездна бутылокъ, длинныхъ съ лафитомъ, короткошейныхъ съ мадерою, прекрасный лѣтній день, окна, открытыя на пролетъ, тарелки со льдомъ на столѣ, растрепанная манишка у владѣтелей окладистаго фрака, перекрестный разговоръ, покрываемый генеральскимъ голосомъ и заливаемый шампанскимъ, — все отвѣчало одно другому. — Послѣ обѣда всѣ встали съ пріятною тяжестью въ желудкахъ и, закуривъ трубки съ длинными и короткими чубуками, вышли, съ чашками кофе въ рукахъ, на крыльце.

— Вотъ ее можно теперь посмотреть, сказалъ генераль. — Пожалуста, любезнѣйшій, промолвилъ онъ, обращаясь къ своему адъютанту, довольно ловкому молодому человѣку пріятной наружности, — прикажи, чтобы привели сюда гнѣдую кобылу! вотъ вы увидите сами. Тутъ генераль потянулъ изъ трубки и выпустилъ дымъ. — Она еще не слишкомъ въ холѣ: проклятый городишка, — нѣтъ порядочной конюшни. Лошадь, пуфъ, пуфъ, очень порядочная.

— И давно, ваше превосходительство, пуфъ, пуфъ, изволите имѣть ее? сказалъ Чертокуцкій.

— Пуфъ, пуфъ, пуфъ, пу.... пуфъ, не такъ давно; всего только два года, какъ она взята мною съ завода.

— И получить ее изволили обѣзженную, или уже здѣсь изволили обѣздить?

— Пуфъ, пуфъ, пу, пу, пу...у...у...фъ, здѣсь. — Сказавши это, генераль весь исчезъ въ дымъ.

Между тѣмъ изъ конюшни выпрыгнулъ солдатъ, послышался стукъ копытъ, наконецъ показался другой, въ бѣломъ балахонѣ съ черными огромными усами, ведя за узду вздрагивавшую и пугавшуюся лошадь, которая вдругъ, поднявъ голову, чуть не подняла вверхъ присѣвшаго къ землѣ солдата вмѣстѣ съ его усами. „Ну-жъ, ну, Аграфена Ивановна!“ говорилъ онъ, подводя ее подъ крыльцо.

Кобыла называлась Аграфена Ивановна. Крѣпкая и дикая, какъ южная красавица, она грянула копытами въ деревянное крыльцо и вдругъ остановилась.

Генераль, опустивши трубку, началъ смотрѣть съ довольнымъ видомъ на Аграфену Ивановну. Самъ полковникъ, сошедши съ крыльца, взялъ Аграфену Ивановну за морду. Самъ маіоръ потрепалъ Аграфену Ивановну по ногѣ; прочіе пощелкали языкомъ.

Чертокуцкій сошелъ съ крыльца и зашелъ ей взадъ. Солдатъ, вытянувшись и держа узду, глядѣлъ прямо посѣтителемъ въ глаза, будто бы хотѣлъ вскочить въ нихъ.

— Очень, очень хорошая! сказалъ Чертокуцкій. — Статистая лошадь? А позвольте, ваше превосходительство, узнать, какъ она ходитъ?

— Шагъ у нея хорошъ; только.... чертъ его знаетъ.... этотъ дуракъ фельдшеръ далъ ей какихъ-то пилюль, и вотъ уже два дня все чихаетъ.

— Очень, очень хороша! А имѣете ли, ваше превосходительство, соотвѣтствующій экипажъ?

— Экипажъ?... Да вѣдь это верховая лошадь.

— Я это знаю; но я спросилъ, ваше превосходительство, для того, чтобъ узнать, имѣете ли къ другимъ лошадямъ соотвѣтствующій экипажъ?

— Ну, экипажей у меня не слишкомъ достаточно. Мнѣ, признаться вамъ сказать, давно хочется имѣть нынѣшнюю коляску. Я писалъ объ этомъ къ брату моему, который теперь въ Петербургѣ, да не знаю, пришлетъ ли онъ или нѣтъ.

— Мнѣ кажется, ваше превосходительство, замѣтилъ полковникъ, — нѣтъ лучше коляски, какъ вѣнская.

— Вы справедливо думаете, пухъ, пухъ, пухъ.

— У меня, ваше превосходительство, есть чрезвычайная коляска, настоящей вѣнской работы.

— Какая? та, въ которой вы пріѣхали?

— О, нѣтъ! это такъ разѣздная, собственно для моихъ поѣздокъ, но та.... это удивительно, легка, какъ перышко, а когда вы сядете въ нее, то, просто, какъ бы, съ позволенія вашего превосходительства, нянька васъ въ люлькѣ качала!

— Стало-быть покойна?

— Очень, очень покойна; подушки, рессоры, это все какъ-будто на картинкѣ нарисовано.

— Это хорошо.

— А ужь укладиста какъ! то-есть, я, ваше превосходительство, и не видывалъ еще такой. Когда я служилъ, то у меня въ ящики помѣщалось десять бутылокъ рому и двадцать фунтовъ табаку, кромѣ того со мною еще было около шести мундировъ, бѣлье и два чубука, ваше превосходительство, самые длинные, а въ карманы можно цѣлаго быка помѣстить.

— Это хорошо.

— Я, ваше превосходительство, заплатилъ за нее четыре тысячи.

— Судя по цѣнѣ, должна быть хороша. И вы купили ее сами?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, она досталась по случаю. Ее купилъ мой другъ, рѣдкій человѣкъ, товарищ моего дѣтства, съ которымъ бы вы сошлись совершенно; мы съ нимъ, что твое, что мое — все равно. Я выигралъ ее у него въ карты. Не угодно ли, ваше превосходительство, сдѣлать мнѣ честь пожаловать завтра ко мнѣ отобѣдать? и коляску вмѣстѣ посмотрите.

— Я не знаю, что вамъ на это сказать. Мнѣ одному какъ-то.... Развѣ ужь позвольте вмѣстѣ съ господами офицерами?

— И господъ офицеровъ прошу покорнѣйше. Господа! я почту себѣ за большую честь имѣть удовольствіе видѣть васъ въ своемъ домѣ.

Полковникъ, маіоръ и прочіе офицеры отблагодарили учтивымъ поклономъ.

— Я, ваше превосходительство, самъ того мнѣнія, что если покупать вещь, то непременно хорошую; а если дурную, то нечего и заводить. Вотъ у меня, когда сдѣлаете мнѣ честь завтра пожаловать, я покажу кое-какія статьи, которыя я самъ завелъ по хозяйственной части.

Генераль посмотрѣлъ и выпустилъ изо рту дымъ.

Чертокуцкій былъ чрезвычайно доволенъ, что пригласилъ къ себѣ господъ офицеровъ; онъ заранѣе заказывалъ въ головѣ своей паштеты и соусы, посматривалъ очень весело на господъ офицеровъ, которые также, съ своей стороны, какъ-то удвоили къ нему свое расположеніе, что было замѣтно изъ глазъ и небольшихъ тѣлодвиженій, въ родѣ полупоклоновъ. Чертокуцкій выступалъ впередъ какъ-то развязнѣе, и голосъ его принялъ расслабленіе — выраженіе голоса, обремененнаго удовольствіемъ.

— Тамъ, ваше превосходительство, познакомитесь съ хозяйкой дома.

— Мнѣ очень пріятно, сказалъ генераль, поглаживая усы.

Чертокуцкій послѣ этого хотѣлъ немедленно отправиться домой, чтобы заблаговременно приготовить все къ принятію гостей къ завтрашнему обѣду; онъ взялъ было уже и шляпу въ руки, но какъ-то странно случилось, что онъ остался на нѣсколько времени. Между тѣмъ уже въ комнатѣ были разставлены ломберные столы. Скоро все общество раздѣлилось на четверныя партіи въ вистъ и разсѣялось по разнымъ угламъ генеральскихъ комнатъ.

Подали свѣчи. Чертокуцкій долго не зналъ, садиться, или не садиться ему за

висть. Но какъ господа офицеры начали приглашать, то ему показалось очень несогласно съ правилами общежитія отказаться. Онъ присѣлъ. Нечувствительно очутился передъ нимъ стаканъ съ пуншемъ, который онъ, позабывшись, въ ту же минуту выпилъ. Сыгравши два роббера, Чертокуцкій опять напелъ подъ рукою стаканъ съ пуншемъ, который, тоже позабывшись, выпилъ, сказавши напередъ: „Пора, господа, мнѣ домой, право пора“. Но опять присѣлъ и на вторую партію. Между тѣмъ разговоръ въ разныхъ углахъ комнаты принялъ совершенно частное направленіе. Игравшіе въ вистъ были довольно молчаливы; но неигравшіе, сидѣвшіе на диванахъ въ сторонѣ, вели свой разговоръ. Въ одномъ углу штабсъ-ротмистръ, подложивши себѣ подъ бокъ подушку, съ трубкою въ зубахъ, рассказывалъ довольно свободно и плавно любовныя свои приключенія и овладѣлъ совершенно вниманіемъ собравшагося около него кружка. Одинъ чрезвычайно толстый помѣщикъ съ короткими руками, нѣсколько похожими на два выросшіе картофеля, слушалъ съ необыкновенно сладкою миною и только по временамъ силился запустить коротенькую свою руку за широкую спину, чтобъ вытащить оттуда табакерку. Въ другомъ углу завязался довольно жаркій споръ объ эскадронномъ ученіи, и Чертокуцкій, который въ это время уже, вмѣсто дамы, два раза сбросилъ валета, вбѣшивался вдругъ въ чужой разговоръ и кричалъ изъ своего угла: „Въ которомъ году?“ или „какого полка?“ не замѣчая, что иногда вопросъ совершенно не приходился къ дѣлу. Наконецъ, за нѣсколько минутъ до ужина, вистъ прекратился, но онъ продолжался еще на словахъ, и, казалось, головы всѣхъ были полны вистомъ. Чертокуцкій очень помнилъ, что выигралъ много, но руками не взялъ ничего и, вставши изъ-за стола, долго стоялъ въ положеніи человѣка, у котораго нѣтъ въ карманѣ носового платка. Между тѣмъ подали ужинъ. Само собою разумѣется, что въ винахъ не было недостатка и что Чертокуцкій почти невольно долженъ былъ иногда наливать въ стаканъ себѣ, потому что направо и налево стояли у него бутылки.

Разговоръ затянулся за столомъ предлинный, но впрочемъ, какъ-то странно онъ былъ веденъ: одинъ полковникъ, служившій еще въ кампанію 1812 г., рассказывалъ такую баталію, какой никогда не было, и потомъ, совершенно неизвѣстно по какимъ причинамъ, взялъ пробку отъ графина и воткнулъ ее въ пирожное. Словомъ, когда начали разбѣжаться, уже было три часа и кучера должны были нѣсколькихъ особъ взять въ охапку, какъ бы узелки съ покупкою, и Чертокуцкій, несмотря на весь аристократизмъ свой, сидя въ коляскѣ, такъ низко кланялся и съ такимъ размахомъ головы, что, пріѣхавши домой, привезъ въ усахъ своихъ два репейника.

Въ домѣ все совершенно спало; кучеръ едва могъ сыскать камердинера, который проводилъ господина чрезъ гостиную, сдалъ горничной дѣвушкѣ, за которою кое-какъ Чертокуцкій добрался до спальни и улегся возлѣ своей молоденькой и хорошенькой жены, лежавшей прелестьнѣйшимъ образомъ, въ бѣломъ какъ снѣгъ, спальномъ платьѣ. Движеніе, произведенное паденіемъ ея супруга на кровать, разбудило ее.

Протянувшись, поднявши рѣсницы и три раза быстро зажмуривши глаза, она

открыла ихъ съ полусердитою улыбкою; но, видя, что онъ рѣшительно не хочетъ оказать на этотъ разъ никакой ласки, съ досады поворотилась на другую сторону и положила свѣжую свою щеку на руку, скоро послѣ него заснула.

Было уже такое время, которое по деревнямъ не называется *рано*, когда проснулась молодая хозяйка подлѣ храпѣвшаго супруга. Вспомнивши, что онъ возвратился вчера домой въ четвертомъ часу ночи, она пожалѣла будить его и, надѣвъ спальные башмачки, которые супругъ ея выписалъ изъ Петербурга, въ бѣлой кофточкѣ, драпировавшейся на ней, какъ льющаяся вода, она вышла въ свою уборную, умылась свѣжею, какъ сама, водою и подошла къ туалету. Взглянувши на себя раза два, она увидѣла, что сегодня очень недурна. Это, повидимому, незначительное обстоятельство заставило ее просидѣть передъ зеркаломъ ровно два часа лишнихъ. Наконецъ она одѣлась очень мило и вышла освѣжиться въ садъ. Какъ нарочно, время было, тогда прекрасное, какимъ можетъ только похвалиться лѣтній южный день. Солнце, вступивши на полдень, жарило всею силою лучей; но подъ темными густыми аллеями гулять было прохладно, и цвѣты, пригрѣтые солнцемъ, утroyали свой запахъ. Хорошенькая хозяйка вовсе забыла о томъ, что уже двѣнадцать часовъ, а супругъ ея спитъ. Уже доходило до слуха ея послѣбѣденное храпѣнье двухъ кучеровъ и одного форейтора, спавшихъ въ конюшнѣ, находившейся за садомъ. Но она все сидѣла въ густой аллѣѣ, изъ которой былъ открытъ видъ на большую дорогу, и разсѣяннo глядѣла на безлюдную ея пустынность, какъ вдругъ показавшаяся вдали пыль привлекла ея вниманіе. Всмотрѣвшись, она скоро увидѣла нѣсколько экипажей. Впереди ѣхала открытая двумѣстная легонькая колясочка; въ ней сидѣлъ генералъ съ толстыми, блестящими на солнцѣ эполетами, и рядомъ съ нимъ полковникъ. За ней слѣдовала другая четверомѣстная; въ ней сидѣлъ майоръ съ генеральскимъ адъютантомъ и еще двумя насупротивъ сидѣвшими офицерами; за коляской слѣдовали извѣстные всѣмъ полковыя дрожки, которыми владѣлъ на этотъ разъ тучный майоръ; за дрожками четверомѣстный бонвоажъ, въ которомъ сидѣли четыре офицера и пятый на рукахъ; за бонвоажемъ рисовались три офицера на прекрасныхъ гнѣдыхъ лошадяхъ, въ темныхъ яблокахъ.

„Неужели это къ намъ?“ подумала хозяйка дома. „Ахъ, Боже мой! въ самомъ дѣлѣ они поворотили на мостъ!“ Она вскрикнула, всплеснула руками и побѣжала чрезъ клумбы и цвѣты прямо въ спальню своего мужа. Онъ спалъ мертвецки.

— Вставай, вставай! вставай скорѣе! кричала она, дергая его за руку.

— А? проговорилъ потягиваясь Чертокуцкій, не раскрывая глазъ.

— Вставай, пульпульчикъ! слышишь ли? гости!

— Гости? какіе гости?... Сказавши это, онъ испустилъ небольшое мычаніе, какое издаетъ теленокъ, когда ищетъ мордою сосцовъ своей матери. „Мм“.... ворчалъ онъ, „протяни, моньмуна, свою шейку, я тебя поцѣлую“.

— Душенька, вставай ради Бога скорѣй! Генералъ съ офицерами! Ахъ, Боже мой! у тебя въ усахъ репейникъ!

— Генераль? А, такъ онъ уже ѣдетъ? Да что же это, чортъ возьми, меня никто не разбудилъ? А обѣдъ, что жъ обѣдъ? все ли тамъ, какъ слѣдуетъ, готово?

— Какой обѣдъ?

— А я развѣ не заказывалъ?

— Ты, ты пріѣхалъ въ четыре часа ночи, и сколько я ни спрашивала тебя, ты ничего не сказалъ мнѣ. Я тебя, пульпульчикъ, потому не будила, что мнѣ жаль тебя стало: ты ничего не спалъ.... Последнія слова сказала она чрезвычайно томнымъ и умоляющимъ голосомъ.

Чертокуцкій, вытаращивъ глаза, минуту лежалъ на постели, какъ громомъ пораженный; наконецъ вскочилъ онъ въ одной рубашкѣ съ постели, позабывши, что все это неприлично.

— Ахъ, я лошадь! сказалъ онъ, ударивъ себя по лбу:—я звалъ ихъ на обѣдъ! Что дѣлать? далеко ли они?

— Я не знаю... они должны сію минуту уже быть.

— Душенька.... спрячься!... Эй, кто тамъ! ты, дѣвчонка! ступай... чего дура боишься? пріѣдутъ офицеры сію минуту: ты скажи, что барина нѣтъ дома, скажи, что и не будетъ совѣмъ, что еще съ утра выѣхалъ.... слышишь? и дворовымъ всѣмъ объяви; ступай скорѣе!

Сказавши это, онъ схватилъ наскоро халатъ и побѣжалъ спрятаться въ экипажный сарай, полагая тамъ положеніе свое совершенно безопаснымъ. Но, ставши въ углу сарая, онъ увидѣлъ, что и здѣсь можно было его какъ-нибудь увидѣть. А вотъ это будетъ лучше, мелькнуло въ его головѣ, и онъ въ одну минуту отбросилъ ступени близъ стоявшей коляски, вскочилъ туда, закрылъ за собою дверцы, для большей безопасности закрылся фартукомъ и кожею, и притихъ совершенно, согнувшись въ своемъ халатѣ.

Между тѣмъ экипажи подѣхали къ крыльцу.

Вышелъ генераль и встряхнулся; за нимъ полковникъ, поправляя руками султанъ на своей шляпѣ; потомъ соскочилъ съ дрожекъ толстый маіоръ, держа подъ мышкою саблю; потомъ выпрыгнули изъ бонвоая тоненькіе подпоручики съ сидѣвшимъ на рукахъ прапорщикомъ; наконецъ сошли съ сѣделъ рисовавшіеся на лошадяхъ офицеры.

— Барина нѣтъ дома, сказалъ, выходя на крыльцо, лакей.

— Какъ нѣтъ? стало-быть, онъ, однакожъ, будетъ къ обѣду?

— Никакъ нѣтъ. Они уѣхали на весь день. Завтра развѣ около этого только времени будутъ.

— Вотъ тебѣ на! сказалъ генераль, — какъ же это?...

— Признаюсь, это штука! сказалъ полковникъ, смѣясь.

— Да нѣтъ, какъ же такъ дѣлать? продолжалъ генераль съ неудовольствіемъ. — Фить.... Чортъ.... Ну, не можешь принять, зачѣмъ напрашиваться?

— Я, ваше превосходительство, не понимаю, какъ можно это дѣлать! сказалъ одинъ молодой офицеръ.

— Что? сказалъ генераль, имѣвшій обыкновеніе всегда произносить эту вопро-
сительную частицу, когда говорилъ съ оберъофицеромъ.

— Я говорилъ, ваше превосходительство: какъ можно поступать такимъ обра-
зомъ!

— Натурально... Ну, не случилось что ли — дай знать по крайней мѣрѣ, или не
проси.

— Что жъ, ваше превосходительство? нечего дѣлать, поѣдемте назадъ! сказалъ
полковникъ.

— Разумѣется, другого средства нѣтъ. Впрочемъ коляску мы можемъ посмотре-
ть и безъ него. Онъ, вѣрно, ее не взялъ съ собою. Эй, кто тамъ? Подойди, братецъ, сюда!

— Чего изволите?

— Ты конюхъ?

— Конюхъ, ваше превосходительство.

— Покажи-ка намъ новую коляску, которую недавно досталъ баринъ.

— А вотъ, пожалуйста въ сарай.

Генераль отправился вмѣстѣ съ офицерами въ сарай.

— Вотъ извольте, я ее не много выкачу: здѣсь темненько.

— Довольно, довольно, хорошо!

Генераль и офицеры обошли вокругъ коляску и тщательно осмотрѣли колеса и
рессоры.

— Ну, ничего нѣтъ особеннаго, сказалъ генераль: — коляска самая обыкновенная.

— Самая неказистая, сказалъ полковникъ; совершенно нѣтъ ничего хорошаго.

— Миѣ кажется, ваше превосходительство, она совсѣмъ не стоитъ четырехъ
тысячъ, сказалъ одинъ изъ молодыхъ офицеровъ.

— Что?

— Я говорю, ваше превосходительство, что, миѣ кажется, она не стоитъ четы-
рехъ тысячъ.

— Какое четырехъ тысячъ! она и двухъ не стоитъ. Просто, ничего нѣтъ. Развѣ
внутри есть что-нибудь особенное... Пожалуста, любезный, отстегни кожу....

И глазамъ офицеровъ предсталъ Чертокуцкій, сидящій въ халатѣ и согнувшійся
необыкновеннымъ образомъ.

— А, вы здѣсь!... сказалъ изумившійся генераль.

Сказавши это, генераль тутъ же захлопнулъ дверцы; закрылъ опять Чертокуц-
каго фартукомъ и уѣхалъ вмѣстѣ съ господами офицерами.